

Ирина Шлапак

РОЛЬ «БУКВЕННЫХ» АНТРОПОЭТОНИМОВ В СТРУКТУРЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается семантическая роль «буквенных» антропоэтонимов, которые в литературном тексте обозначают, как правило, зашифрованные или скрытые имена. Этот приём связан с семантикой умолчания. Являясь «безымянным» именем, такие наречения героев выполняют ту же функцию, что и полноценные антропоэтонимы. Наиболее распространёнными являются те, словоформа которых сокращена до морфемы или буквы.

Ключевые слова: «буквенный» антропоэтоним, литературный текст, семантика, словоформа, функция.

Исследования функционирования антропонимов в структуре художественного текста свидетельствуют о том, что особенности реализации номинативной и идентифицирующе-дифференцирующей функции собственных имён, относящиеся к этой группе онимов, неоднородны. Мысль о семантической и функциональной негомогенности антропонимической системы в лингвистической науке не является новой, привлекая постоянное внимание учёных-ономастов, разрабатывающих теоретические проблемы ономастики (Ю.А. Карпенко, Е.С. Отин, В.М. Калинин, В.Н. Михайлова, Н.В. Мудрова, М.В. Бувеская). Оригинальные идеи о функциональной неоднородности антропонимии в разное время высказывались А.В. Суперанской, Л.М. Щетининым, М.Э. Рут.

В современном научном дискурсе мысль о значимости антропоэтонимов в семантике художественного текста является аксиоматичной. Представители разных ономастических школ указывают на различные аспекты информативности этого класса онимов, проявляющих себя на уровне непосредственной фактуальной информативности текста. Это может быть моделирующий подтекст, который появляется благодаря порождению читательских ассоциаций, уровень текстообразования, поскольку антропоэтонимы являются связующим, конструктивным, «шифтерным» (А.К. Устин) элементом содержательно-смыслового пространства и формальной организации художественного текста. В этих векторах исследований особенностей антропонимии художественной системы одной из наиболее интересных и недостаточно изученных проблем ономопэтики является изучение своеобразия функционирования «скрытых», зашифрованных антропоэтонимов. Попытка скрыть героя под именем порой является характеристикой всего текстового пространства литературного произведения. Являясь средством создания верти-

кального контекста, антропоэтонимы заключают в себе большой объем ассоциаций с различными элементами предшествующие созданию текста и выполняют при этом важные смысловые и идейно-эстетические функции.

Известно, что специфика литературных имен проявляется в двух планах: выражения (фонетическом, морфологическом) и содержания (семантическом, социальном, культурологическом). Однако в литературе встречаются «безымянные» наименования, когда персонажи обозначаются свободными, семантически непривязанными к образу буквами, знаками или цифрами (NN, Z, ***). Наиболее распространёнными являются антропоэтонимы, словоформа которых сокращена до морфемы или буквы (Б-ва, Г-ч, К., Р., Л...), так называемые «буквенные» единицы, которые в целом не характерны для языковой системы, дискурса. К примеру: «N. говорил мне беспрестанно о своём намерении оставить службу и поселиться в деревне с книгами и женою» [3, 5].

В данных единицах номинации отсутствует синтез семантической атрибутивности имени и образа персонажа. Функционально это оправдывается тем, что так авторы называли типичных представителей определенного класса, возраста, пола, профессии. У Пушкина встречаются герои «барон W» [4, 400], «княгиня Г.» [4, 397], «генерал Р.» [4, 396], «г-н А.» [4, 388], «Б**» [4, 399].

Е.С. Отин отмечает существование в русской литературе «традиции использования «буквенных» поэтонимов» [2, 328]. Ученый подчёркивает, что подобные формы имянаращения употреблялись «ограниченно и нередко в сочетании с обычными (реальными) или вымышленными собственными именами. В одних случаях они выступали как зашифрованные собственные имена-криптонимы, за которыми намеренно скрывались конкретные реальные лица или места событий; в других обращении к ним было стилистическим приемом,

придающим повествованию некую загадочность, заинтриговывающую читателя неопределённостью» [2, 328].

Намерение недосказать информацию о персонаже связывает «буквенные» антропонимы с таким языковым функционально-семантическим значением, как семантика умолчания, которая заключается в недосказанности мысли, обрыве речи и опущении при этом какого-либо слова или конструкции и возможности читателю или слушателю самому дополнить недостающие слова и догадаться, о чем идет речь. Героини «Пиковой дамы» названы А.С. Пушкиным «княжна Полина ***», «Графиня ***»: «Графиня *** конечно, не имела злой души: но она была своенравна как женщина, избалованная светом, скупа и погружена в холодный эгоизм, как и все старые люди, отлюбившие в свой век и чуждые настоящему». Иногда Пушкин своих героев именует «**»: «княгиня **», «ротмистр**» или только «**»: «** скоро удостоверился в неверности своей жены» [4, 211, 233, 244, 419]. Как утверждает Сенчикова Е.П., «специфика категории умолчания состоит в семантической редукции всех средств ее выражения. Семантическая редукция — это сокращение доли информации, сокращение числа дифференциальных признаков языковых единиц любого уровня языка по сравнению с ситуативно заменяемой языковой единицей» [5, 5].

Примеры подобных единиц с латентной семантикой зафиксированы в текстах А.С. Пушкина, Н.А. Дуровой, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др. «Буквенные» поэтонимы в художественных произведениях XIX века многообразны и вариативны. Например, Ю., Б., Р-х, Ска-в, Т...ская и др. Эти имена собственные образованы путем усечения основы онима (например, редукция середины основы П...в — Плетнев, Ж-кий — Жуковский). Многовариативны буквенные антропонимы и в западноевропейских литературах, особенно в творчестве Дж. Джойса. В «Поминках по Финнегану» разнообразие таких «собственных имён» с трудом поддаётся перечислению. Обратим внимание на наиболее употребляемые автором варианты буквенных антропонимов: “*Begog but he was, the G.O.G!*”, “*W. W. goes through the cold*”, “*Hwoorledes har Dee de* Losdoor onleft mladies*”, “*cue., a namecousin of the late archdeacon F. X. with some half-halted suggestion*”, “*F, dragging its shoestring*”, “*Ph. Dr’s showings, the plea, if he pleads*”, “*Nu’e! Nu’e! A lightdress fluttered*”, “*his avgs ... la Mistress B.*”, “*with somekat on toyast ... la M*” [7, 24, 38, 53, 120, 183, 150, 158].

Исходя из структурной организации, «буквенные» антропонимы представляют три группы — односоставные, двусоставные и трехсоставные.

1. Наиболее распространённую группу представляют односоставные антропонимы, которые могут передаваться пятью «вариантами»:

а) антропоним передаётся только одной буквой: барон С, Ротмистр Л, княгиня Х (А.С. Пушкин); «Mrs F» (Дж. Джойс);

б) антропоним передаётся двумя буквами: «Лёля NN, хорошенькая двадцатилетняя блондинка...» (А.П. Чехов), “*Wesleyan chapelgoers suspected of being a plain clothes priest W.P.*” (Дж. Джойс), “*in a housingroom Abide With Oneanother at Block W.W*” (Дж. Джойс);

в) указывается начало и конец имени: «молодая Т...ская», «ротмистр Ска-в», «Не знаете ли вы, где здесь квартирует уланский поручик Бо-в?», «Дома ли господа Ска-вы?» (Н.А. Дурова) «Г-дов и вопрос об искусстве» (статья Ф.М. Достоевского);

г) начальный слог онимической единицы: Шат..., Гиз... «Ты говоришь, что Раз... поэт, а ты стихотворец» (Н.А. Дурова);

г) частичное выпадение букв в имени: Е...р...а, П. а. е. а. «Это говорил Д.б.р.н.к.й., шестидесятилетний венгерец» (Н.А. Дурова).

2. Двусоставная / трёхсоставная группа представлена формулой «имя+фамилия» (Л. Л., М. Д-в, Н. В., Р... В...), «имя+отчество» (П*** Ив***) или «имя+отчество+фамилия» (Андрей Карлович Р). Отметим, что в онимической единице Н*** Ив*** на отчество Ив*** указывает синтаксическая функция данного антропонима — обращение, — так как в этом значении традиционно употребляют модель «имя+отчество» по отношению к уважаемому человеку («Всякий властен думать, как ему угодно... простите, Н*** Ив***») (Н.А. Дурова).

3. Трёхкомпонентная группа состоит из трёх элементов: «В конце 1811 года, в эпоху нам достопамятную, жил в своем поместье Ненадрове добрый Гаврила Гаврилович Р **» (А.С. Пушкин «Метель»), «Сашка Б *** тут вместе с русскими или с горцами воюет против него» (Л.Н. Толстой «Казаки»), “*But there’s a little lady waiting and her name is A.L.P.*” (Дж. Джойс «Поминки по Финнегану»), “*initialled by Haromphrey bear the sigla H.C.E.*” (Дж. Джойс «Поминки по Финнегану»).

Буквы «Б», «А», «Р» не являются словом или лексемой, поскольку не обладают самостоятельным лексическим значением. Знак «***» не является даже буквой. Однако если попытаться убрать эти «не слова» и «не лексемы» из художественных текстов, то они потеряют всю свою игровую сложность. Персонажи, лишившись указания на «утаенное» имя («Б.», «***») обезличатся, потеряют свою единственность и индивидуальность, «ибо всякое имя предмета всегда предписывает ему то или иное свойство» (А.Ф. Лосев). Одновременно знаки «Б.» и «***», играя роль мнимого имени, создают установку на возможную интригу, на нечто такое, что заставляет повествователя засекретить подлинные имена. Значение имен

персонажей эксплицировано в смысловом поле произведения.

Без имён-«масок» были бы невозможны безымянность и претензия на имя (всеобщность и наличие «собственного лица»), интрига (намек на возможную историю), изображение атмосферы провинциальной жизни, сокрытие реальных лиц. Так, например, у Н. Дуровой в автобиографической повести «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» фигурируют

«сокрытые» реальные лица — Н***Ив***, Н. Н., Р... С..., Р-х, Ска-в. Приём использования утаённого имени использует и А.П. Чехов. К примеру: «Это Н.Н., известный тульский шулер, привлечённый к суду по делу У-го банка» [6, т. 4, 388].

Таким образом, в стремлении писателей к латентности антропоэтонимов обнаруживается авторское выражение идеи произведения, в то же время такой подход делает текст произведения менее открытым и доступным к интерпретации.

ИСТОЧНИКИ

1. Дурова Н.А. Избранные сочинения кавалерист-девицы / Н.А. Дурова. — М. : Московский рабочий, 1983. — 479 с.
2. Отин Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. — Донецк : Донеччина, 1997 — 470 с.
3. Павлов Н.Ф. Именины / Н.Ф. Павлов // Сочинения / Сост., авт., послеслов. и примеч. Л.М. Крупчанов. — М. : Сов. Россия, 1985. — С. 4–27.
4. Пушкин А.С. Собр. соч. : В 10-и т. / А.С. Пушкин. — Т. 5: Романы. Повести. — М. : Худож. лит, 1975. — 576 с.
5. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке : автореф. дис. ... докт. филол. наук / Е.П. Сеничкина. — М. : Московский гос. областной ун-т, 2003. — 32 с.
6. Чехов А.П. Собр. соч.: В 12 т. / А.П. Чехов. — Т. 2 : Рассказы 1883–1884. — 503 с. Т. 4 : Рассказы 1886. — М. : Художественная лит, 1955. — 638 с.
7. Joyce James. Finnegans Wake. — Suhrkamp. Germany, 1975. — 631 p.

У статті розглядається семантична роль «літерних» антропоетонімів, які у структурі літературного тексту маркують зашифровані або приховані імена. Цей прийом пов'язується із семантикою замовчування. Являючи собою «безіменне» ім'я, таке називання героїв виконує функцію, що й повноцінні антропоетоніми. Найбільш розповсюдженим є ті, словоформа яких скорочена до морфему або літери.

Ключові слова: «літерний» антропоетонім, літературний текст, семантика, словоформа, функція.

The article deals with the semantic role of “letter” antropoetonyms which usually represent encrypted or hidden names. This technique is associated with the defaulting semantics. Being an “unidentified” name, such ways of characters’ naming perform the same function as regular full antropoetonyms. The most common are those the word form of which is reduced to a morpheme or a letter.

Key words: “letter” antropoetonym, literary text, semantics, word form, function.